

Сотникова Юлия Николаевна

Sotnikova Yuliya Nikolaevna

соискатель кафедры социальной философии
и этнологии
Северо-Кавказского федерального университета

External PhD student,
Department of Social Philosophy and Ethnology,
North Caucasus Federal University

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL INTERPRETATIONS OF THE PUBLIC SENSE OF JUSTICE

Аннотация:

Определение понятия правосознания в социальной философии многоаспектны, в связи с чем актуальным является обобщение его классических и современных дефиниций. В русском персонализме правосознание рассматривалось как непреходящий «духовный орган» активной личности, способной к конструированию социальной реальности, включающей в себя и сферу правовых отношений. В современных трактовках акцент делается преимущественно на отношении личности к конкретному позитивному праву. По мнению автора, приемлемым и учитывающим оба подхода является определение общественного правосознания как необходимой составляющей общественного сознания, обуславливающей правовое творчество личностей и выражающейся в форме конкретной преемственной системы отношений представителей общности к позитивному праву, которая подвержена модификациям в социально-историческом процессе под воздействием перечисляемых в статье факторов.

Ключевые слова:

общественное сознание, общественное правосознание, идеология, право, государство, личность, персонализм, культура.

Summary:

The notions of the sense of justice in social philosophy are multifaceted. Therefore, it is relevant to summarize its classical and modern definitions. In Russian personalism, the sense of justice was reviewed as an indispensable "spiritual organ" of an active personality which was able to construct a social reality, including the scope of legal relations. In modern interpretations, the emphasis is primarily on the attitude of the personality to a specific positive law. Based on two points, the author developed an appropriate definition of the public sense of justice as a necessary component of public consciousness. This notion determines the legal creativity of the personality and is reflected in a concrete succession system of relations of the community's representatives to the positive law. This system is subject to modifications in the social and historical process under the influence of the factors listed in the research.

Keywords:

public consciousness, public sense of justice, ideology, law, state, personality, personalism, culture.

Понятие правосознания в связи с многоаспектностью определяемого им феномена (правосознание можно рассматривать и как способ существования исторически преемственного общественного сознания, и как его атрибут, форму или же непреходящую составляющую) не имеет однозначной социально-философской дефиниции, поэтому обращение к рассмотрению его интерпретаций в классической и современной мысли является актуальным.

И.А. Ильин, к примеру, считал, что «право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и ради духа и осуществляются через посредство правосознания» [1, с. 288]. Как видно, философ трактует правосознание, используя персоналистский подход. Развивая его мысль, можно сказать, что правосознание, являясь необходимым элементом общественного сознания, наследует и его субъективно-объективный характер, т. е., оформляясь и выражаясь в сознаниях множества субъектов-личностей, которые одни только могут чувствовать, мыслить и действовать, феномен правосознания как результирующая этих личностных правосознаний переходит на коллективный уровень своего существования, приобретая вполне объективный характер и влияя на всю совокупность личностей, составляющих определенную общность. Причем личностного правосознания не может не быть, оно непременно присутствует у всякого человека, «совершенно независимо от того, знает он об этом или нет» [2, с. 313]. Поскольку же существование личностей вне общности немислимо, их взаимодействие приводит к формированию единого для всех комплекса стереотипов, обуславливающих единство правовых отношений, или иначе – к объективации общественного правосознания, в результате которой последнее начинает прямо влиять на правосознания отдельных личностей.

И.А. Ильин называет правосознание «духовным органом» человека, так или иначе участвующим во всей его жизни, даже в том случае, если она преступна. Правосознание никуда не исчезает вследствие пренебрежения им, не перестает влиять на поступки человека, оно лишь «уподобляется заброшенной дорожке в саду, которая зарастает сорной травой и по которой все-таки надо

ходить» [3, с. 314]. В трактовке правосознания мыслителем обращает на себя внимание оригинальность подхода: он понимает правосознание не только как формирующееся у человека отношение к уже существующему вне него праву, не только как следствие постижения и притяжения/непритяжения позитивного права (такое понимание традиционно), но прежде всего – как *«творческий источник права, живой орган правопорядка и политической жизни. Каждый закон, каждый указ – возникает в правосознании и является его плодом – то зрелым, то незрелым, то полезным, то вредным. Каждый закон, возникнув из правосознания властвующих людей, обращается к правосознанию множества подчиненных людей...»* [4, с. 314–315]. Из приведенной цитаты видно, что личностное правосознание философ разводит по двум уровням: правосознание представителей властной элиты, способных к непосредственному законотворчеству, и правосознание остального большинства граждан, не имеющих возможности прямо влиять на формирование правовых норм, однако обуславливающих их жизнеспособность посредством притяжения, утверждения в общественном сознании или, наоборот, прямо или косвенно способствуя изменению позитивного права.

И.А. Ильин вводит в философский лексикон новый термин, когда пишет: «...пусть всякое действующее, положительное право... будет освещено и облагорожено лучами, исходящими из глубины естественного... правосознания» [5, с. 323]. Понятие естественного правосознания у него при этом явно перекликается с понятием естественного права, распространенным в правовых теориях Нового времени. При этом по содержанию эти понятия не совпадают, расходясь по своему смыслу: «естественные права», довлеющие над человеком, обуславливают постепенное формирование позитивного права, внешнего для каждой личности, тогда как «естественное правосознание», о котором говорит мыслитель, основывается на некотором внутреннем глубинном волеизъявлении человека, на «чувстве права», «правовой интуиции», или «правовой совести», с которой следует совещаться во всех правовых делах, поскольку она способна сформировать представления о лучшем, справедливом праве. Естественное правосознание не дает человеку законов в завершённой форме, однако оно показывает направление для творческого преобразования правовых реалий. При этом, что важно, направленность эта задается не извне, а изнутри человека, не обуславливается условиями, над которыми личность не властна, а исходит из ее духовных глубин.

Таким образом, используя персоналистский подход, в целом свойственный русской религиозной философии конца XIX – начала XX в., И.А. Ильин приходит к особенной трактовке феномена правосознания, отличающейся во многом от распространенных как в его время, так и сегодня трактовок. Отличие это прежде всего состоит в том, что правосознание рассматривается им как непрременный «духовный орган» активной личности, способной к конструированию духовной реальности, включающей в себя и сферу правовых отношений, а не просто к пассивному следованию сложившимся условиям социальной жизнедеятельности.

Современные исследователи подходят к определению правосознания с различных сторон. Так, М.Ю. Зырянов трактует правосознание в социокультурном аспекте, как *«укорененное в культуре отношение к обществу и собственному месту в нем, связанное с оценкой действующих законов»* [6, с. 17]. Эта дефиниция, на наш взгляд, является очень общей, следовательно, малосодержательной. Но основное представление о правосознании она все же дает – автор обращает внимание: на его укорененность в культуре, имплицитно связанную с концептом преемственности; на конкретность правосознания (следующую из предпосылки культурного многообразия); на оценку действующих законов. Однако акцентируем внимание на том, что правосознание рассматривается в приведенном определении как отношение личности (-ей), что в целом свойственно общемировой практике, при этом полностью игнорируется оригинальный концепт творческого конструирования личностью (-ями) правовой реальности, выработанный в русском персонализме.

Более емкое по своему содержанию определение представлено К.В. Науменковой, которая пишет: «...правосознание – это знание о системе права, оценка действующей системы права и мысли о желаемых или предполагаемых изменениях в ней с позиций индивидуальной справедливости, которая приобрела глубокий жизненный смысл и значение для большей части общества, т. е. правосознание – результат отражения объекта и средство воздействия на объект» [7, с. 12]. Здесь наряду с определением правосознания как оценки действующего права («отражение объекта») присутствует также активно-личностная характеристика – правосознание личности (общности) рассматривается и в качестве средства воздействия на отражаемый в нем объект (право). Также обращается должное внимание на этическую категорию справедливости, устанавливающую зависимость права от нравственности («...если правовая рецептура соответствует моральным нормам данного общества, то мы можем говорить о ее справедливости» [8, с. 146]). В целом же дается субъективно-объективное понимание феномена правосознания.

Объединяя важные элементы вышеприводимых определений и добавляя значимый в аспекте персоналистского подхода концепт правового творчества, подразумевающего относительно свободное конструирование личностями правовой реальности, можно представить следующую интерпретацию: «Общественное правосознание есть необходимая составляющая общественного сознания, обуславливающая правовое творчество и выражающаяся в форме конкретной преемственной системы отношений представителей общности к позитивному праву».

К.И. Руденко, выявляя структуру правосознания, находит, что в ней «органически переплетаются познавательный, эмоциональный и деятельностный компоненты», с чем нельзя не согласиться, как и с тем, что «структурными элементами правосознания выступают: 1) субъект; 2) предметная область – система правовых координат; 3) установки, стереотипы, мифы, служащие инструментами познания права; 4) эффекты сознательной деятельности субъекта в сфере социально-правовых отношений». Автор обращает внимание на то, что уровень усвоения права в обществе «может служить дифференцирующим фактором в социуме – от правового нигилизма (или низкого уровня правосознания) до полностью сформированного правосознания» [9, с. 16–17]. Обратим внимание на то, что во всяком конкретном обществе этот дифференцирующий фактор всегда присутствует и определенная его часть выпадает из контекста конструктивного правосознания, подпадая под влияние правового нигилизма. Но такое «выпадение» означает и дистанцирование этой части общества от основных трендов общественного сознания, свойственных данному этапу его развития. Нонконформистские личности были и будут в любом обществе, из чего можно сделать вывод о том, что когда мы говорим о высоком уровне правосознания в той или иной общности, то должны иметь в виду не единое принятие конкретной правовой системы, а ее признание большинством. К тому же среди этого большинства отношение к праву также не может быть однозначно конформистским, ведь даже понимание необходимости несовершенного права и его признание в качестве средства улучшения правовой ситуации свидетельствуют о высоком уровне правосознания личности.

На важный культурологический момент в понимании правосознания обращает внимание С.С. Фоменко: «Культура правосознания личности является основой превращения *представлений* (как наиболее общих и первичных образов – продуктов рефлексии) о морали, праве, нравственности, образцах и идеалах, возникающих в сфере правового сознания, в *убеждения*, т. е. внутренне детерминированные (обоснованные, аргументированные) результаты критического мышления, полученные в процессе личностного самоопределения и самоидентификации» [10, с. 11]. Концепт культуры правосознания, действительно, очень важен, однако мы не можем согласиться с трактовкой автором понятий «представления» и «убеждения», в соответствии с которой первое понятие превращается во второе вследствие работы критического мышления и основой такого превращения является культура правосознания. Представления, на наш взгляд, неправомерно понимать как наиболее общие и первичные образы рефлексии. Они, действительно, могут сильно отличаться от реальности, однако именно они обуславливают связь между нашим сознанием и предметами окружающего мира, и другой связи нам не дано природой. Разумеется, для действенности наших представлений о мире необходима вера в них, но на вере основаны также и убеждения, которые автор, по нашему мнению, неосновательно определяет как «внутренне детерминированные (обоснованные, аргументированные) результаты критического мышления».

Между тем Т.И. Ойзерман, характеризуя феномен мировоззрения, писал: «Всякое мировоззрение складывается из убеждений. Они могут быть истинными или же, напротив, мнимыми... Убеждения характеризуются прежде всего той энергией, настойчивостью, решительностью, с которыми они высказываются, обосновываются, защищаются, противопоставляются другим убеждениям» [11, с. 578–579]. Убеждения, возникающие у личностей и отстаиваемые ими, являются результатом функционирования в общественном сознании идеологий, фундирующихся конкретными религиями, квазирелигиями, идеологизированными философско-мировоззренческими системами, поэтому идеологические представления и являются тем контекстом, в котором разворачиваются социальные трансформации. С этим, кажется, согласна и С.С. Фоменко, когда утверждает, что «объективный характер институциональных изменений во многом верифицирован субъективными предпочтениями отдельных личностей и социальных институтов, оказывающих определяющее воздействие на развитие индивидуального и общественного мировоззрения» [12, с. 19–20].

Таким образом, в социально-философском аспекте допустимо рассматривать общественное правосознание как необходимую составляющую общественного сознания, обуславливающую правовое творчество и выражающуюся в форме конкретной преобладающей системы отношений представителей общности к позитивному праву. Преобладающее положительное отношение к правовой системе характеризуется таким показателем, как высокий уровень правосознания, доминирующее отрицательное отношение – как его низкий уровень [13]. Важнейшими же глубинными факторами динамики правосознания являются: изменения правового менталитета («характера “мыследействий”» [14, с. 185] субъекта в правовой области); языковые трансформации; мировоззренческие изменения, модифицирующие и даже заменяющие традиционные идеологии; вариации степени влияния конкретных нравственных систем на общественное сознание и/или исторически необходимые модификации нравственных систем; изменения уровня личностной правовой культуры, формирование которой находится в прямой зависимости от воспитательно-образовательного процесса.

Ссылки:

1. Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М., 2003. 694 с.
2. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М., 2006. 912 с.
3. Там же. С. 314.
4. Там же. С. 314–315.
5. Там же. С. 323.
6. Зырянов М.Ю. Правосознание в условиях современного российского общества (социально-философский аспект) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2012.
7. Науменкова К.В. Российское правосознание: специфика, структура, динамика : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2013.
8. Лагунов А.А. Русская религиозная философия: божественное и человеческое : монография. Ставрополь, 2007. 202 с.
9. Руденко К.И. Социологическое исследование деформаций правосознания российской молодежи в условиях социо-коммуникативных трансформаций начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2015.
10. Фоменко С.С. Формирование культуры правосознания личности в условиях институциональных трансформаций : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2015.
11. Ойзерман Т.И. Мироззрение // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 2. М., 2010. С. 578–579.
12. Фоменко С.С. Указ. соч. С. 19–20.
13. Jasso G., Resh N. Exploring the Sense of Justice about Grades // European Sociological Review. 2002. Vol. 18, no. 3. P. 333–351. <https://doi.org/10.1093/esr/18.3.333>.
14. Смирнов А.Ю., Лагунов А.А. Определение этноментальных характеристик российского правосознания как актуальная проблема социальной философии // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2011. № 2. С. 184–187.